

ПРОГРАММНО-ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕКЛАССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ. ПРОЕКТ «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

Автор: Кожемяко В. С.

Не буду повторять уже неоднократно звучавшую сегодня мысль о том, что главная цель современной школы – формирование образованной, культурной личности. Путь к достижению этой цели – введение учащихся в культуру, освоение ими культурных и нравственных образцов, выработанных человечеством в целом и народом нашей страны в частности. Несомненно, основные, краеугольные элементы формирования личности закладываются в начальной школе. Но сегодня коснёмся вопроса внеклассной деятельности в старшей школе, конкретнее – в 9, 10 и 11 классах. В этом возрасте ученик уже сам в своей личностно-мотивированной деятельности создаёт, творит, формирует свой образ по неким нравственным, общечеловеческим культурным образцам. Образцы эти находятся в жизни и в искусстве. Познавая их, подросток осваивает нравственные образцы, делает их своими, усваивает нравственные ценности. Поэтому трудно переоценить значение литературы как явления и как предмета в решении задач образования, развития и воспитания учащихся, особенно в наше время, когда современная жизнь скорее разрушает вековые нравственные ценности, чем утверждает их в сознании подрастающего поколения.

Внеклассная работа является важным средством воспитания школьников, это хорошая возможность для организации межличностных отношений в классе между одноклассниками, между учащимися и классным руководителем, между разными группами в классе. В процессе многоплановой внеурочной работы можно обеспечить развитие общекультурных интересов школьников, способствовать решению задач нравственного воспитания. Внеклассная работа имеет широкий круг возможностей для привлечения социального опыта родителей и других взрослых. В её основе – общность интересов, единство целей и идеалов семьи и общества в целом. Внеурочная работа является составной частью учебно-воспитательного процесса школы и одной из форм организации свободного времени учащихся. И если работа на уроке всё же регламентируется единой и обязательной программой, направлена на формирование системы знаний, умений и навыков, то внеклассная работа

импонирует ученику добровольностью участия, свободой индивидуального выбора материала, форм общения с искусством, способов творческого самовыражения. Во внеучебной работе имеет место более откровенное общение, разноплановое, полифункциональное (художественное, творческое, межличностное, познавательное), взаимоотношения же учителя и учащихся отличает открытость и неформальность, атмосфера подлинного сотворчества. Интерес к внеклассной работе в современной школе объясняется ещё и тем, что она задаёт тон ломке методических стереотипов, рождению новых подходов к преподаванию литературы, привносит дух живого диалога, откровения, раскрепощённости. В последнее время усилилась тенденция комплексного использования многообразных форм работы, проявившаяся, в частности, в организации постоянно действующих коллективов – литературных кружков, клубов, музеев, направленных на углублённое изучение литературы. Взаимодействие разных видов искусства (литература и театр, музыка), разных видов деятельности школьников, освоение конкретной литературной темы, проблемы может определять профиль внеклассной работы.

Занятия «литературным краеведением» обращены к изучению литературной жизни того места, где школьник живёт, знакомству ребят с образом своей «малой родины» в произведениях художников слова. Познавательная, поисковая, популяризаторская краеведческая деятельность смыкается в наши дни с культурно-охранной. Общение с литературой сопряжено с попытками выразить себя в слове, образе. Чуткость к слову, владение литературными жанрами делают творческим процесс изучения литературы.

Хотелось бы рассказать об одной из форм внеклассной деятельности по литературе, которую мы выбрали для себя несколько лет назад. Несомненно, Санкт-Петербург – это город, дающий поистине колоссальные возможности для изучения различных областей литературы. В нашем городе, особенно в его историческом центре, практически каждое второе здание, так или иначе, связано с литературой или смежными с ней областями искусства. Рядом с Русским музеем, Этнографическим музеем, Михайловским театром, на Итальянской улице в доме № 5 в декабре 1911 года был открыт «Подвал бродячей собаки». Этот «подвал во втором дворе», ставший легендарным уже в короткие месяцы своего существования, может быть, впервые в истории русской поэзии, русского театра, русской живописи обрел ту удивительную атмосферу полной открытости, дружбы, непринуждённости, внутренней свободы, которая привела к наивысшему подъёму артистической и литературной жизни Петербурга серебряного века, её блистательному расцвету, к сожалению, столь недолгому. Недаром почти каждый из постоянных или частых посетителей «Собаки» писал о ней позже с такой щемящей душу нежностью, с такой ностальгической грустью. Никогда – ни до, ни после этого – в России не соприкасались так близко, не сливались в единый поток литературная, театральная и художественная стихии. И никогда – об этом тоже нужно сказать – Россия не соприкасалась так полно и тесно с Европой и культурой европейского авангарда XX века, получая от них столько нового и, в свою очередь, оказывая на них огромное влияние. Именно поэтому «Бродячая

собака» – явление не только русской, но и мировой культуры; и её организаторы и создатели понимали это в значительно большей степени, чем мы – потомки. «Бродячая собака» возникла не на пустом месте. Это было первое ночное литературно-артистическое кабаре в России. Но именно в том доме, где была организована «Бродячая собака», за 70 лет до нее находился салон братьев Виельгорских – средоточие музыкальной и артистической культуры Петербурга середины XIX века. Ни одна неделя не обходилась здесь без концертов или музыкальных вечеров. Позже более полувека этот дом принадлежал Я. А. Дашкову и его детям; здесь создавалось знаменитое собрание книг, портретов, гравюр, рукописей, документов П. Я. Дашкова – уникальное собрание материалов по русской истории, открытое для пользования всему Петербургу. Таким образом, «Бродячая собака» была организована именно там, где уже многие годы до неё находился один из важнейших культурных центров Петербурга.

Случилось так, что осенью 2011 года на одном из заседаний кафедры словесности нашей гимназии мы заговорили о 100-летнем юбилее этого замечательного места. И родилась показавшаяся сначала невыполнимой идея провести какое-нибудь мероприятие, посвященное серебряному веку, непосредственно в «Бродячей собаке». Заручившись поддержкой администрации гимназии и АППО, мы поехали на переговоры с руководством кафе, и, к нашей огромной радости, нам не отказали, хотя и в восторг не пришли, если уж говорить откровенно. Старшеклассники восприняли идею сначала достаточно сдержанно, но, несколько раз сходя в «Бродячую собаку» на спектакли, да и просто выпить кофе, настолько были очарованы самой атмосферой и уникальной энергетикой этого места, что многие вопросы отпали сами собой. Сначала мы хотели привлечь только 11 класс, но, узнав о готовящемся спектакле, некоторые ученики 10 и 9 классов тоже заявили о своём желании участвовать. Первый спектакль, получивший название «Мой серебряный век», состоял из двух действий, первое из которых было посвящено биографиям поэтов серебряного века, а второе представляло собой некое подобие устраивавшихся здесь «литературных пятниц» – чтение стихов. Сказать, что мы, как педагоги, были потрясены, – это ничего не сказать. Во-первых, детям была предоставлена полная свобода в выборе стихов, и выбор иногда был настолько неожиданным! Спектакль произвёл очень сильное впечатление и на участников, и на гостей, и на педагогов. Поэтому мы были искренне благодарны Евгении Борисовне Аристовой, директору «Бродячей собаки», которая высоко оценила выступление наших детей и разрешила в виде исключения раз в год, в первую пятницу декабря, занимать сцену этого уникального кафе.

В следующем, 2012, году состоялся спектакль «Серебряная лира», вновь включавший в себя две достаточно самостоятельных части: первая часть, назвавшаяся «Женский силуэт серебряного века», была посвящена творческому пути поэтов той эпохи. Вторая часть, названная «Мне нравится, что вы больны не мной...», состояла из пяти коротких историй о любви в жизни Маяковского, Ахматовой, Цветаевой, Тэффи и Черубины де Габриак. Детми был освоен колоссальный пласт материала исторического, литературоведческого,

краеведческого. Ребята посетили все так или иначе связанные с творчеством выбранных ими поэтов места нашего города, изучали музыку и живопись тех лет. В 2012 году мы включили в наш спектакль уже и танцевальные, и вокальные номера.

В 2013 году состоялся очередной спектакль в «Бродячей собаке», получивший название «Серебряная маска», так как объектом изучения и сценического воплощения стали драматические произведения Блока, Цветаевой и Тэффи. Ребята совершили почти невозможное, осмыслив и показав зрителям отрывки из пьесы М. Цветаевой «Приключение», небольшую пьеску Н. Тэффи «Тонкая психология» и даже отрывки из блоковских «Двенадцати» и «Балаганчика». Можно долго рассказывать о том, какие спектакли ребята посетили в связи с изучением материала, какие книги изучили, сколько раз наведались в Этнографический музей, изучая костюмы эпохи.

В 2012 и в 2013 году спектакли, показанные детьми в «Бродячей собаке», стали участниками Международного Брянцевского фестиваля школьных театральных коллективов и были награждены дипломами. А двум ученикам участие в этих спектаклях помогло выбрать жизненный путь – поступить на актёрский и продюсерский факультеты Санкт-Петербургской Театральной академии.

Рассказывать об этом проекте я могу бесконечно, но закончу своё выступление короткими высказываниями наших участников.

Яна Данилова: «Наши спектакли в "Бродячей Собаке" – это потрясающий проект, который очень сближает его участников, как учеников между собой, так и учителей с нами. За время подготовки лично я открыла очень много нового в самой себе, познакомилась ближе с людьми, о которых раньше, хоть и видела их каждый день в школе, не пыталась узнать большего.

Создавая небольшие спектакли для "Собаки", мы познаём литературу, несомненно, историю и самих себя. Выходить на пусть и маленькую, но легендарную, сцену - это большой опыт, это масса приятных впечатлений. Спектакли в "Бродячей Собаке" – это что-то особенное, а быть частью чего-то особенного – значит самому быть особенным в какой-то

мере. А чувствовать себя особенным порой бывает просто необходимо».

ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ «СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА» В АРТ-КАФЕ «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»

Автор: Кожемяко В. С.

1. Музыка «Начало»

Ведущий 1:

Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
лишь тем, в ком бродит гордый дух
гражданства,
кому уюта нет, покоя нет.

Поэт в ней – образ века своего
и будущего призрачный прообраз.
Поэт подводит, не впадая в робость,
итог всему, что было до него.

Ведущий 2:

Сумею ли? Культуры не хватает...
Нахватанность пророчеств не
сулит...
Но дух России надо мной витает
и дерзновенно пробовать велит.

И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты...

Ведущий 1:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь –
как бы шая, глаголом жечь.
Дай, Лермонтов, свой желчный
взгляд,

своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
не доброты твоей сестра –
лампада тайного добра.

Ведущий 2:

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей –
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный твой,

чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевою.
О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Ведущий 1:

Дай, Пастернак, смещение дней,
смещение веток,
сращение запахов, теней
с мучением века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.
Есенин, дай на счастье нежность мне
к берёзкам и лугам, к зверью и
людям
и ко всему другому на земле,

что мы с тобой так незащитно
любим.
Дай, Маяковский, мне
глыбастость,
буйство,
бас,
непримиримость грозную к
подонкам,
чтоб смог и я,
сквозь время прорубясь,
сказать о нём
товарищам-потомкам...

Ведущий 2:

У поэта соперников нету –
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас – о себе.
Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас – за себя.

Но когда достигает предела
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело.
Вам решать: для чего и кому.
То ли мёд, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Всё, что было его, – нынче ваше.
Всё для вас. Посвящается вам.

2. Музыка «Вокализ»

Ведущий 2: Есть золотой и есть серебряный век искусства. И в тот, и в другой люди друг друга стоят. Равновесие нарушается стихией. Стихия века девятнадцатого как бы концентрируется в артистах своего времени, делая тем самым их великими. Но вот стихия схлынула, выговорилась. На смену пришли артисты другие, вряд ли менее подлинные. Но они предоставлены только своим силам. За них ничто уже не действует, не говорит. То, что недавно было полно света и звуков, стало похоже на тишину и сумерки.

Ведущий 1: Художнику серебряного века не помогает стихия. Но организация человека всё та же, и без союзника иррационального он всё же делает своё

дело. В этом и состоит героизм серебряного века. И что-то, несмотря на неизбежную бледность, делает творения его художников, пронзительными. В отличие от эпохи золотого века, где слишком уж всё полногласно, слишком переливается через край. Здесь – мера человеческих сил. Всё суше, бледнее, чище, но и более дорогой ценой купленное, ближе к автору, более – в человеческий рост.

Ведущий 2: Земная жизнь лишь «сон», «тень». Реальности противопоставлен мир мечты и творчества – мир, где личность обретает полную свободу. Есть одна только вечная заповедь – жить. В красоте, в красоте несмотря ни на что.

Ведущий 1:

Отбросив ахи всякие и охи,
Слова-ходули и слова-весы,
Я провела немалые часы
Наедине с поэтами эпохи.
Там были лжепророки и пройдохи,
И мытари газетной полосы,
И рифмачи... а рядом – полубоги –
Владетели величья и красы.

Чисты их имена,
И горек голос лир,
И дух высок, и слово осиянно...
На вечны времена:
Владимир, Велимир,
Марина, и Борис, и Александр, и
Анна.

Блок:

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдье
Неразделённую любовь.
Но за любовью - зреет гнев,
Растёт презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев

Печать забвенья иль избранья.
Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта – нет. Покоя – нет.

Ахматова:

В монашеском платке, но с вечною мечтой
в любовном роднике до судорог купаться
и с Богом честной быть, а с Дьяволом – простой,
душою воспарить, а телом наслаждаться.
И гордость, и Любовь, высокое и грязь
так в женщине легко способны уживаться,
и света властелин, и тьмы лукавый князь –
любить, спасать, страдать, губить и отдаваться.
Сердце великий царь, владыка душ людских –
Поэта дар мне дан божественной десницей.
Спасибо за восторг, надрыв стихов моих,
за боль, печаль, любовь... монашки и блудницы.

Блок:

Когда толпа вокруг кумирам
рукоплещет,
Свергает одного, другого создаёт,
И для меня, слепого, где-то блещет
Святой огонь и младости восход!
К нему стремлюсь болезненной
душою,

Стремлюсь и рвусь, насколько
хватит сил...
Но, видно, я тяжёлою тоскою
Корабль надежды потопил!
Затянут в бездну гибели сердечной,
Я – равнодушный серый нелюдим...
Толпа кричит – я хладен бесконечно,
Толпа зовёт – я нем и недвижим.

Ахматова: В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Эмиля Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (то есть только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Верхарн:

Взгляд над водой ширь не охватит.
Что, растерялся? Вот он, порог, а вот
пространство.
Ни бархат звёздный, ни дикий хохот,
но строки
Спускаются с таких высот, где нет
того,
Что каждый миг берёт за горло.
Труби, мой Ангел, я иду.
Край вечности, мосточек
деревянный,
Источник света безымянный смешал
С водою небо, безверие с надеждой.
Дай подудеть в твою дуду.
Здесь не сфальшивишь нотой,
Не вспомнишь ничего: ни той,
Что вида твоего не помнит,
Ни вида своего.
Крыла ни ночь, ни туча не коснётся.
Вновь обретёшь

То, с чем пришлось родиться,
Дождём прольёшься. Незваной
бабочкой
Воробушка спугнёшь, заняв его на
камне место,
Согреешься, прикрыв свою же тень
собою,
Вспорхнёшь легко и промахнёшь
над головой того,
Чей нимб заметен бабочке одной.
Шепнёшь два слова,
В беглом облаке
Растаешь.
И повторится смятенье листьев,
Дождь внезапный,
Мозаика крыш,
Всё.
Всё.
Но где ты, Ангел?
Ты молчишь?

Ахматова: Божественно! Но я представила себе пышное петербургское ресторанное чествование, почему-то всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское, и плохой французский язык, и тосты – и предпочла поехать на вечер к курсисткам. Там в гримерной я встретила Блока. Я спросила его, почему **он** не на чествовании Верхарна. Поэт ответил с подкупающим прямодушием:

Блок: Оттого, что там будут просить выступить, а я не умею говорить по-французски.

Ахматова: К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он – с упрёком – в ответ:

Блок: Анна Андреевна, мы не тенора.

Ахматова: В то время он уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в Цехе поэтов, и в Обществе Ревнителей Художественного Слова, и на Башне Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому. Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада – что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз. Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь». Я стала отказываться: «Когда я читаю "Я надела узкую юбку", – смеются». Он ответил:

Блок: Когда я читаю «И пьяницы с глазами кроликов», – тоже смеются.

Ахматова: Молодой поэт Бенедикт Лившиц однажды пожаловался, что Блок одним своим существованием мешает ему писать стихи. На что Блок ответил:

Блок: Я вас прекрасно понимаю! Мне вот, например, мешает писать Лев Толстой.

Ахматова: В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал. На каждой он написал просто:

Блок: Ахматовой – Блок.

Ахматова: А на третьем томе поэт написал посвящённый мне мадригал:

Блок:

«Красота страшна» – Вам скажут, –

Вы накинете лениво

Шаль испанскую на плечи,

Красный розан – в волосах.

«Красота проста» – Вам скажут, –

Пёстрой шалью неумело

Вы укроете ребёнка,

Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая

Всем словам, кругом звучащим,

Вы задумаетесь грустно

И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;

Я не так страшна, чтоб просто

Убивать, не так проста я,

Чтоб не знать, как жизнь страшна».

Ахматова: У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого драматического театра весной 1921 года Блок подошёл и спросил меня: "А где испанская шаль?"

Блок: Когда в 1911 году в журнале «Аполлон» было опубликовано стихотворение Анны Ахматовой «Сероглазый король», то все, даже моя мать, решили, что эти стихи – признание в любви мне.

Ахматова: Когда я получила бандероль с книгами, подписанными Блоком, я с трудом подобрала приличные случаю слова благодарности, с эпистолярным жанром у меня всегда были натянутые отношения.

Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы просто перепутали номер квартиры, и они всё это время пролежали у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом. А я... скучала без Ваших стихов. Вы очень добрый, что подписали мне так много книг, а за стихи я Вам навсегда и глубоко благодарна. Я им ужасно радуюсь. А это удаётся мне реже всего в жизни. Посылаю Вам стихотворение, написанное для Вас, и хочу для Вас радости. Только не от него, конечно. Видите, я не умею писать так, как хочу.

Блок: Ахматова лишь однажды навестила меня в моей квартире в Петербурге. Её стихотворение «Я пришла к поэту в гости ровно в полдень, в воскресенье...» мгновенно стало почти знаменитым. Но оно было не единственным, написанным после этого визита. Ахматова написала ещё одно стихотворение, которое очень долго нигде не было опубликовано.

Ахматова:

ы первый, ставший у источника
С улыбкой мёртвой и сухой,
Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжёлый – полунощника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро будешь снова молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

прочем, и Блок не ограничился официально преподнесёнными книгами и сразу после моего ухода написал строки:

Блок:

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.
И ты уйдёшь. И некий саван белый
Прижмёшь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.
Как исступлённо ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки

К утешенным весной небытия.
Ты проклянёшь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

Ахматова: 18 января 1914 года Блок написал мне о том, что Всеволод Мейерхольд будет редактировать журнал под названием «Любовь к трём апельсинам», и просил моего разрешения на публикацию моего стихотворения, посвященного ему, и, соответственно, его стихотворения, посвящённого мне. Разумеется, я ответила согласием.

Блок: С Мейерхольдом меня связывало давнее знакомство. Однажды моя жена Любовь Дмитриевна задумала провести летний «театральный сезон» в финской деревушке Териоки. Она поделилась идеей со своей подругой, известной актрисой Валентиной Веригиной, а та, в свою очередь, рассказала своим друзьям, завсегдатаям знаменитого арт-кафе «Бродячая собака». Идея была воплощена в жизнь. Именно в Териоки и состоялось моё знакомство с Мейерхольдом.

Ахматова: А в конце 1907 года увидела свет мейерхольдовская постановка «Балаганчика» Блока. Эта маленькая лирическая драма написана автором в законченном стиле символического искусства. И содержание, и форма «Балаганчика» туманны и хрупки. Вместо реальных событий – впечатления и символы, вместо действительной жизни – сказочный мир, вместо живых людей – кукольные маски... Реакция зрительного зала на первом представлении «Балаганчика» была необыкновенно бурной. Разразился настоящий театральный скандал. Свист, шум, крики, стук, казалось, были готовы перейти в рукопашную... Часть публики ревела от ярости и возмущения. Другая часть аплодировала бешено, орала изо всех сил: «Браво Блок – Мейерхольд!», стараясь перекричать исступлённые вопли противной стороны. Был момент, когда, казалось, возмущённые хлынут на сцену, готовые разорвать на части и Блока, и Мейерхольда, разнести на куски и сцену, и декорации, и весь театр. Не так часто в истории театра случался такой взрыв страстей в зрительном зале. Но авторы «Балаганчика» не ушли со сцены. Они смело предстали перед бушующей публикой, приняв на себя и её возмущение, и её восторги.

Блок: Критики обрушились на «Балаганчик», но их возмущённые рецензии на этот раз не убеждали петербургских театралов, стремившихся увидеть сенсационный спектакль. Зал на «Балаганчике» бывал всегда полон. Да и в тоне критических статей чувствовалось на этот раз что-то необычайное; казалось, Мейерхольд не только возмутил рецензентов, но и испугал их, показав нечто хотя и чуждое им, но значительное, над чем не следовало уже больше шутить.

Ахматова:

И в памяти чёрной, пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнётся презрительно Блок —

Трагический тенор эпохи.

Блок, Ахматова:

Вот открыт балаганчик

Для весёлых и славных детей...